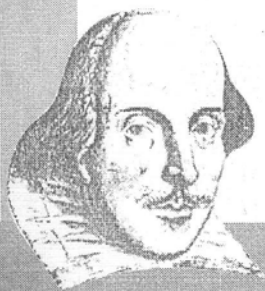

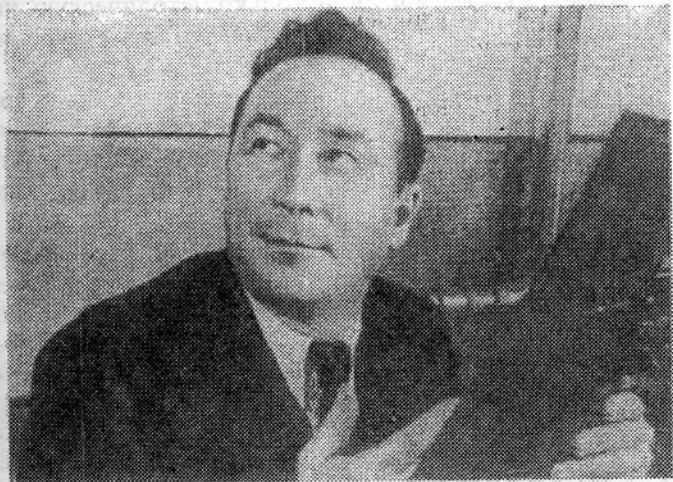
**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК:
ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
От эпохи Возрождения к ХХІ веку**

*Межвузовский сборник
научных трудов*

СОПРЯЖЕНИЕ ФИЗИКИ И ЛИРИКИ: ШТРИХ К ПОРТРЕТУ АКАДЕМИКА Л.В. КИРЕНСКОГО

Те, кто приезжают ныне в наш Академгородок – один из крупнейших научных центров Красноярска, – могут видеть на его территории высоко взнесённый над

Л. В. Киренский в магнитной лаборатории Красноярского педагогического института (1953 г.)

Енисеем памятник его основателю – академику Леониду Васильевичу Киренскому.

В те далёкие уже годы, когда я только начинала свою педагогическую деятельность в Красноярске – это было в самом начале 50-х годов, – территория эта была ещё необжитым «диким берегом», и Леонид Васильевич, находившийся в расцвете творческих сил – ему едва перевалило за 40 – был первым – и единственным в ту пору – про-

ктором Красноярского педагогического института. Одновременно он руководил организованной им физической лабораторией, занимавшей одно из подвальных помещений в главном здании пединститута.

Наверное, это было одним из счастливых совпадений – поворотов в моей творческой судьбе, что первые мои шаги на красноярской земле были озарены его ненавязчивым, но неизменно доброжелательным вниманием. Интерес Леонида Васильевича ко мне и к моим сверстникам, ещё неоперившимся выпускникам столичной аспирантуры – лингвисту Л.И. Фроловой, историку Л.А. Шаферовой, появившимся в Красноярске несколькими месяцами раньше меня после окончания аспирантуры в Ленинграде, – отнюдь не ограничивался с его стороны выполнением служебных обязанностей, но определялся широтой и незаурядностью его личности – учёного, педагога, человека.

Талантливый учёный-физик, он был лириком по природе, великолепным знатоком и ценителем русской поэзии. То, что он сам писал стихи и даже публиковал некоторые из них в годы своей юности, оставалось тогда скрытым от нас, и я очень жалею, что узнала об этом лишь после его смерти из его биографии, вышедшей в 1989 году в научно-биографической серии, издаваемой АН СССР*.

Но разговор о поэзии неизбежно возникал при каждой нашей встрече с ним независимо от её прямого повода. Вряд ли случайно во время одной из первых бесед со мной – а он не жалел своего времени для лучшего знакомства с молодыми кадрами – он устроил мне нечто вроде экзамена с целью проверить поэтическую эрудицию: пригласил погулять по улице К. Маркса, очень тихой тогда, и начал читать стихи, не называя автора – моей задачей было определить его. Первым, помнится, было одно из ранних стихотворений Н.С. Тихонова (из его книги «Орда»):

Полюбила меня не любовью,
Как берёза огонь – горячо.
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо...

* Чистяков Н.С., Смолин Р.П. Леонид Васильевич Киренский. 1909 – 1969. – М.: Наука, 1981. – 168 с.

Конечно, я его не узнала. Не узнала я и стихов Ивана Молчанова, адресата известного стихотворения В.В. Маяковского. Но когда он прочёл первые строки стихотворения М.Ю. Лермонтова, посвященного М.А. Щербатовой –

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла, –

я радостно рассмеялась и сказала: «Ну, уж на классикетто Вы меня не поймаете!» – тем самым хотя бы до некоторой степени реабилитировав себя в его глазах. Не помню уже, тогда ли или в другой раз он познакомил меня с творчеством Петра Людвиговича Драверта, учёного-геолога и оригинального поэта, чьи стихи он знал наизусть. Сам уроженец Сибири – его родиной был якутский посёлок Амга – он любил её преданной сыновней любовью, и ему были созвучны строки, раскрывавшие её богатство и красоту. В его огласовке я и сейчас слышу многие стихотворения Петра Людвиговича – «Моей собаке», «Из якутских мотивов», «Плавучий остров» и особенно вот это – «Ягоды Сибири» – своеобразную клятву верности этой суровой и прекрасной стране:

Опьяняющим солнечным соком
Налились – и желтеют янтарно.
И верна неизменчивым срокам,
Смотрит осень на них лучезарно.

Скоро снежные полосы лягут
На сырой кочковатой дорожке,
Но тебе наших северных ягод
Принесу я в таловом лукошке.

На созданья болотного лона
Не гляди вопрошающе хмуро:
Ты забудешь бананы Цейлона,
Ананасы долин Сингапура.

Что мальтийские нам апельсины,
Виноград тихоструйного Дона,
Золотые лимоны Мессины
Или вишни садов Альбиона?

Только здесь, на просторах Сибири,
Наклонившейся к тундрам великим,
Зреют лучшие ягоды в мире,
Ароматом проникнуты диким...

Знаю – утром в остывшем стакане
Побродив мельхиоровой ложкой,
Ты пошлешь меня в зыбком тумане
За оранжево-жёлтой морошкой.

Вот почему мне трудно представить Леонида Васильевича покупателем тех экзотических фруктов, которыми завалены сейчас прилавки наших магазинов. А вот сокрушение его по поводу того, что наша таёжная ягода – черника или брусника – стоит на рынке дороже заморских деликатесов, мне представить легко... Как бы то ни было, с Дравертом-поэтом я подружилась благодаря Леониду Васильевичу, и эта дружба стала одним из этапов моего «прирастания» к Сибири...

Как организатор учебной и научной работы, Л.В. Киренский сочетал высокую требовательность и принципиальность (мы знали, что незаслуженно высокую оценку он ни за какие блага не поставил бы даже родному человеку) с мудрой рассудительностью и неизменной доброжелательностью. Он не требовал от нас немедленных успехов по всем статьям нашей работы, но умел заметить и поощрить все, что свидетельствовало о нашем творческом росте. Появляясь иногда на текущих экзаменах, он обязательно вступал в беседу с отвечающим, иногда попадая впросак – опять же в силу широты своих поэтических знаний и суждений. Так, однажды на экзамене по литературе Средних веков и эпохи Возрождения студентке, отвечавшей на вопрос о рыцарском романе, он предложил: «А теперь расскажите о рыцарских романах Вальтера Скотта», чем её несказанно смутил, да, признаюсь, и меня тоже. Пришлось объяснить ему, что Вальтер Скотт принадлежит другой эпохе и в программу сегодняшнего экзамена не входит...

В своей педагогической практике Леониду Васильевичу я обязана, между прочим, тем, что не без его влияния взяла на себя руководство творческим кружком, который веду до сих пор, – правда, уже под именем «по-

Ну, а разговоры и споры о поэтах и поэзии продолжались и в последующие годы, возникая при самых, казалось бы, неожиданных обстоятельствах – в дни выборов в советские органы разных уровней, например, когда мы, филологи, готовили номера стенных газет, освещавших их ход. Заходя в нашу «творческую мастерскую» в одной из служебных комнат института, он, как правило,

[illegible]

Круг литературных интересов Леонида Васильевича не ограничивался, разумеется, только стихами. Он хорошо знал и прозу, и не только русскую, но и зарубежную тоже. Мы много разговаривали с ним о литературе, готовя вместе те вечера, о которых говорится в редакционной статье, — он их курировал как председатель Краевого комитета защиты мира. Выступая на них докладчиком, я всегда имела в виду его высокий суд. А когда в 1968 году, всего за год до его обидно ранней смерти, в Красноярском издательстве вышла моя книга о творчестве Джона Голсуорси, он сказал мне слова одобрения, но заметил, что об Ирэн, главной героине форсайтовской эпопеи, следовало бы сказать больше. В какой-то мере я выполнила это его пожелание, когда писала предисловие к тому Голсуорси, вышедшему в Москве в издательстве «Правда» в 1990 году и вобравшему в себя его произведения, посвященные теме любви и красоты.

16